

Размышляя об этом, правительница области Уян переступила с ноги на ногу, всё тело её уже поворачивалось к двери, явно показывая, что она устала играть эту роль и хотела уйти. Ань Шаохуа всё ещё спрашивал о занятиях Сестрицы Синь, которая пряталась за спиной правительницы области Уян, стесняясь и почти не говоря ни слова. Правительница области Уян ответила на пару вопросов, но её отношение было крайне небрежным. Она совсем не вжилась в роль, кого она пытается обмануть?

О, разве что Ань Шаохуа.

Посмотрите, посмотрите, этот страдальческий взгляд, это выражение жалости и раздражения, зритель входит в роль больше, чем актёр. Это просто гениально. Может, он списал на экзаменах? Ах, как я переживаю.

Гу Мо развлекался здесь сам с собой, разыгрывая в голове весёлые сцены. В этот момент вошла Мэйсян и сообщила:

— Третья невестка из дома Жуань, из Двора Струящегося Света, пришла с визитом.

Услышав это, мать посмотрела на Гу Мо. Гу Мо слегка улыбнулся, опустив голову, и сделал глоток чая. В душе он тихо посмеивался над этим длинным титулом, словно в девяностых годах, когда люди любили печатать на визитках длинные названия, начиная чуть ли не с вселенной, и заканчивая обязательно словом «менеджер». Менеджер, хорошее слово, но его испортили, как и многие другие...

Мысли Гу Мо уносились всё дальше, от девяностых до Олимпийских игр. Он вспомнил, как в интернете кто-то задавался вопросом, почему нет мужской синхронной плавания. Если подумать... вероятно, потому что никто не хочет видеть мохнатые ноги, расцветающие на воде.

От этой мысли Гу Мо невольно улыбнулся, но быстро сдержался. Этот анекдот действительно смешной, но, к сожалению, не с кем поделиться, что лишь подчеркивает вечное одиночество. В самом деле... сам себя наказал.

Услышав это, супруга маркиза Чжунъюна посмотрела на Гу Мо. Тот слегка улыбнулся, но его лицо стало печальным. В этот момент Мэйсян всё ещё стояла у двери, ожидая, стоит ли выпускать Юэ'э.

Мать посмотрела на Ань Шаохуа с лёгкой насмешкой. Тот неловко улыбнулся, но в душе чувствовал досаду. По правилам наложницы должны были выражать почтение только главной жене и не покидать своих покоев. Однако в последние дни Юэ'э стала терять чувство меры, то отправляясь к бабушке, то к матери, суется и раздражая Ань Шаохуа. Но Юэ'э была не обычной наложницей. Во-первых, она была второй женой, что в глазах многих равнялось законной супруге. Во-вторых, Юэ'э была его двоюродной сестрой, называла мать тётей, а бабушку — бабушкой. Визит вежливости... в принципе, был уместен. Всё это было результатом его собственных ошибок. Как же он тогда ослеп, считая Юэ'э лучшей?

Юэ'э вошла, одетая в яркие цвета, что соответствовало её статусу новобрачной. Смирненно поклонилась всем троим по очереди, и никто не стал её утруждать.

Ань Шаохуа смотрел на Юэ'э, словно в трансе. Этот наряд он уже видел, но во сне. В том сне, как и сегодня, он вёл Юэ'э «в гости», и этот наряд был сделан специально для неё по его указанию. Он помнил, как тогда сказал Яньшу: «Без красного, но праздничный, и подари Юэ'э на третий день после свадьбы». Конкретный фасон и узоры он не видел. Теперь, глядя на этот наряд, он был точно таким же, как в сне, но его чувства были совсем другими. Всё это казалось

далёким прошлым. Наряд был тем же, Юэ'э была той же, но Ань Шаохуа не чувствовал желания сопровождать её в дом Жуань.

В том сне Ань Шаохуа рано утром вышел с Юэ'э. Он лишь сообщил матери, что уходит, не сказав куда.

Оба были одеты в новые одежды, с целой телегой подарков. Прибыв в дом дяди, они обнаружили закрытые ворота, явно не готовые к их визиту. Войдя внутрь, они услышали шум из главного зала. Матушка Сисян, служившая тётё Янь, вышла им навстречу, её глаза были красны от слёз. Ещё не дойдя до двери, они увидели, как дядя вышел, хлопнув дверью, и, увидев Ань Шаохуа и Юэ'э, замер на месте.

Вскоре из дома вывели беременную женщину, которая плакала, увидев дядю, она только повторяла:

— Жуань-лан... Жуань-лан...

Не пройдя и нескольких шагов, она крикнула от боли — у неё отошли воды. Началась суматоха, люди бегали и кричали. Слуги дома Жуань были неорганизованны, и даже малейшее событие превращалось в хаос, от которого звенело в ушах.

Ань Шаохуа поднял взгляд, и его ослепило яркое солнце.

Войдя в главный зал, он увидел тётю Янь, сидящую на почётном месте и плачущую. Наложница Хуэйсян и Цин-эр стояли рядом, а Юэ-гэ сидел рядом с тётёй, его глаза были красны от слёз. В центре комнаты царил беспорядок — разбитые чашки, разлитый чай. Никто не убирал.

Матушка Сисян лично подала Ань Шаохуа чай. В это время наложница Хуэйсян подвела Цин-эр и бросилась на колени. Она умоляла:

— Прошу, господин, скажите господину, что семья Жуань! Семья Жуань поступает несправедливо!

Называя его «господин», а не «двоюродный господин», она показывала, что теперь считает себя служанкой дома Ань, а не наложницей дома Жуань.

Не дожидаясь ответа Ань Шаохуа, она начала рассказывать, плача. Оказалось, что беременная женщина, которую вывели, была единственной дочерью учителя дяди, то есть его любовницей.

Когда-то Ань Янь была замужем десять лет, но родила только трёх дочерей. Жуань Сивэнь, находясь под давлением семьи маркиза, не решался заговорить о наложницах. На людях он целыми днями усердно учился, говорил о поэзии, и все считали, что он обладает великим талантом. Втайне же он был настолько обходителен, что Ань Янь отдала всё своё приданое на нужды семьи Жуань. К сожалению, все три беременности закончились рождением девочек, и она не могла поднять голову. Поэтому, когда Ань Янь была беременна в четвёртый раз, она сама разрешила Хуэйсян стать наложницей. К счастью, Хуэйсян родила мальчика, которого записали как законного сына — Жуань Юэ.

Прошло более десяти лет. Хотя Жуань Сивэнь не смог сдать экзамены, с помощью семьи маркиза он стал богатым купцом. Но кто бы мог подумать, что он тайно содержал любовницу! Более того, её старший сын был на полгода старше Юэ-гэ. Все знали, что Жуань Сивэнь стал купцом, когда Юэ-гэ было семь лет, а до этого все расходы семьи покрывались приданым Ань

Янь. Кто бы мог подумать, что он будет использовать приданое законной жены для содержания любовницы? И так много лет?

Теперь, когда любовница снова была беременна, она решила, что имеет поддержку, и пришла в дом. В этот момент незнакомая служанка прибежала и сообщила, что родился мальчик.

Женщины снова заголосили, и шум стоял такой, что у Ань Шаохуа раскалывалась голова.

Среди плача кто-то предложил забрать ребёнка. Тётя, сдерживая ярость, сказала:

— Заберите его! Чтобы он никогда больше не появлялся передо мной! Я не верю, что мой Юэ-гэ уступит этим двум ублюдкам!

Проклятие тёти не сбылось. Мальчик, родившийся в тот день, получил имя Жуань Фэнси. Возможно, унаследовав ум своего деда, он с ранних лет проявлял необычайные способности: в три года мог читать стихи, в семь — сочинять, а к десяти годам стал известным юным талантом в столице Юнъань. Позже, когда семья Ань пришла в упадок, семья Жуань продолжала процветать, но никто даже не поинтересовался судьбой Юэ'э. Вероятно, главой семьи Жуань стали братья Фэнмин и Фэнси.

Тот визит так и не закончился ужином. Пробыв целый день среди плачущих женщин, Ань Шаохуа вернулся в Двор Струящегося Света и полдня утешал Юэ'э. Он даже уговорил отца поддержать тётю, специально упомянув дядю на праздновании дня рождения бабушки.

Теперь, оглядываясь назад, Ань Шаохуа понимал, что после того, как дядя был унижен на празднике, его холодность к тёте стала объяснимой.

Когда Ань Шаохуа очнулся, они говорили о недавнем инциденте с Сяо Юйлоу. Он узнал, что об этом уже знали почти все в столице Юнъань. Даже старшая невестка, придя утром, обсуждала, стоит ли сменить труппу на праздновании дня рождения бабушки.

Мать сказала:

— На самом деле, когда только начали готовиться к празднику, старшая невестка уже предлагала труппу «Красная актриса». Её аргументом было то, что в доме теперь много женщин, и среди гостей, если мужчины будут пить и развлекаться, только дамы и девушки смогут насладиться представлением. Женская труппа была бы более уместна. А самой популярной женской труппой в столице Юнъань была именно «Красная актриса».

<http://bllate.org/book/16674/1529336>